

РАЗУМ В ЗЕРКАЛЕ ДИАЛЕКТИКИ

Тема разума и культуры в философии хорошо разработана, а разночтения четко обусловлены мировоззренческими позициями и тоже хорошо в философии представлены и разработаны. Категория разума традиционно рассматривается в философии в паре с категорией рассудка: рассудок и разум – это две «способности души». *Рассудок* – это способность рассуждения относительно земного, конечного, вещей; рассудок выполняет функцию анализа: он разводит, расчленяет единство. *Разум* – более высшая человеческая способность открывать и понимать бесконечное, безусловное, абсолютное, божественное, вечное – в зависимости от мировоззрения. Эта способность позволяет человеку схватывать целостность бытия в единстве его противоположностей. Уже Николай Кузанский отмечал эту синтетическую функцию разума; И. Кант позже обозначил это как способность мыслить принципами; мы бы сказали – это способность мыслить концептуально, ухватывая действительность целостно и в движении. Но ведь это и есть, по определению, **диалектика**.

Широко известная фраза-формула Гегеля «Все действительное – разумно, все разумное – действительно» часто неправильно понимается как оправдание всего существующего. Между тем это не так, и термины «разумно» и «разумное» в этой формуле не означают нечто «правильное» или «истинное» с нашей, человеческой точки зрения. А термины «действительное» и «действительно» не означают нечто застывшее, ставшее, осуществившееся. Действительность у Гегеля есть процесс разворачивания Разума; все формы и ипостаси Разума, так или иначе, разворачиваются в действительности. Говоря конкретнее: нет в действительности ничего, что не было бы процессом разворачивания Разума, и нет в Разуме ничего, что так или иначе не развернулось бы, не реализовалось бы в действительности. Существенная разница гегелевского Разума от древнегреческого Логоса состоит в том, что Разум у Гегеля еще и Субъект всего процесса развития действительности, при том – субъект, тождественный самому процессу и пользующийся человеком как своим орудием и «агентом» («хитрость Мирового Духа»). При этом если нам действительность кажется неразумной, сюрреалистичной, нелогичной, то это проблема не действительности и Разума как субъекта, а нашего несовершенного познания, неадекватного постижения этой действительности и деятельности Разума. Это только означает, что *мы не видим* логики действительности, *мы не умеем* ее объяснить, *мы не можем* справиться с ее реальными проблемами и противоречиями. Причем это наше невидение, неумение, неспособность тоже ведь должны быть объяснены и поняты как движение Разума. То есть с позиций аутентичного гегельянства, даже такие феномены, как иррационализм и постмодернизм, отрицающие Разум и Гегеля, должны быть объяснены и поняты как движение Разума, как объективная логика истории. Такова диалектика объективного идеализма.

Но мы же не хотим оставаться на позиции Гегеля и считать разум – субъектом. Субъект – человек, а разум – его атрибут. И если нас не устраивает идеализм и

панлогизм Гегеля, то нам остается одно из двух: либо расширить диалектику за пределы духа в поле материального бытия – природы и общества; либо отказаться от диалектики вовсе, игнорируя ее или даже объявив ее ложным методом и формой фидеизма, а то и просто новым изданием схоластики.

Первый путь – это путь диалектического материализма. Диалектика стала, в той ли иной степени, базовым методом для целого ряда исследователей во многих областях науки, как естественной, так и гуманитарной, во всем мире и не только для марксистов. В естественных науках она по необходимости оказывалась на почве материализма и помогла, в сущности, преодолеть методологический кризис рубежа XIX – XX веков, включив в понятие материи не только вещество, но и поле, и объединив в корпускулярно-волновой картине мира, казалось бы, несоединимое. В гуманитарных же науках все оказалось сложнее, поскольку выводы в них более связаны с мировоззренческой позицией автора.

Эти «гуманитарные» сложности напрямую касаются категорий разума и рассудка. То новое, что было внесено диалектическим материализмом в трактовку этих категорий, связано с проблемой сущности человека, то есть того атрибута, который и делает его человеком. У Г.В.Ф. Гегеля это – разум, дающий способность к познанию Мирового Духа (Разума). Но уже Л. Фейербах убедительно показал, что сущность человека лежит вне его самого – в природе и в других людях. Эту идею и развивает К. Маркс: сущность человека – это 1) природа как объект труда, а не только спекулятивного познания, 2) род, то есть другие люди как ориентир и смысл деятельности и 3) социум как целостность, как система (социальная сущность). Но это означает, что термин «человек» в этой системе координат читается как «человеческое общество», в котором индивид есть частная форма существования общего. Общее существует через частное, но не сводится к сумме частных, к сумме индивидов.

Понимание человека как общества позволило дополнить категорию индивидуального сознания категорией общественного сознания, которое принципиально не сводилось к сумме индивидуальных, поскольку представляло собой сложную систему (компоненты + связи + отношения + функции и т.д.). Но в этой новой системе координат и категория разума приобретала иное, более глубокое содержание. Если индивидуальный разум – это способность человеческого индивида понимать всеобщее, целое, сущность, то коллективный разум – это способность общества понимать природу, общество и самого человека в их целостности; и это есть *наука как некий совокупный социальный институт и всеобщий процесс познания человеком мира и самого себя*. Процесс этот сложен и не линейен, о чем сегодня уже много исследований, концепций и теорий развития науки, но в целом это процесс продвижения человечества к истине.

Коллективный разум, конечно, есть феномен культуры, а не природы, в том смысле, что только в культуре, то есть в человеческом сообществе, рождается. В природе нет коллективного разума, там действуют совсем другие механизмы. Строительство пчелами улья – это не пример коллективного разума. И почти все формы так называемого «социального поведения» животных (строй гусиной

стаи, иерархия муравьев и др.) – это не пример коллективного разума. Просто потому, что в природе без человека нет сознания. Чтобы соотнести разум с культурой, дадим определение культуры, которое представляется нам правильным: *культура – это процесс специфически человеческого, то есть символического, взаимодействия человека (общества) и природы, в формах и продуктах которого раскрываются общечеловеческий смысл и частно-групповые значения человеческой истории.*

В этом определении символическое мышление – это понятийное мышление, а символ – это инструмент разума. В ближайшем приближении – это язык и речь. Язык здесь ни в коем случае не механическая «знаковая система» наряду с другими знаковыми системами, не механическая когнитивная конструкция, а материальное тело коллективного разума. Аналогично речь – материальное тело индивидуального разума. 7 января 1915 года, в разгар мировой войны, уже вполне зрелый реалист И. Бунин написал стихотворение «Слово»:

Молчат гробницы, мумии и кости,
Лишь слову жизнь дана.
Сквозь тьму веков на мировом погосте
Звучат лишь Письмена.
И нет у нас иного достоянья.
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный – Речь.

Материалистическая диалектика как метод исследования с успехом применялась далее в трудах не только наших Г.В. Плеханова и В.И. Ленина, но и зарубежных авторов, например, Д. Лукача, Т. Адорно, А. Грамши и др. Но дальше вмешалась политика. В СССР марксизм был объявлен государственной и единственно дозволенной идеологией, диалектический материализм – вершиной мировой философии, а материалистическая диалектика – самым правильным и надежным философским методом.

Такой «государственный» подход, естественно, оказался губителен и для марксизма, и для материализма, и для диалектики. Ибо в философии такая регламентация недопустима. Известная полемика «механицистов» (А.К. Тимирязев и др.) и «диалектиков» (А.М. Деборин и др.) в 20-е годы закончилась пирровой «победой» «механицистов» и крайней политизацией философии. В результате диалектика из продуктивного и перспективного метода анализа действительности стала превращаться в идеологическую неосхоластику. Утеря методологических ориентиров не прошла даром: такие, например, факты из истории советской науки, как лысенковщина или отрицание достижений генетики, служат ярким примером.

Политическая «оттепель» 60-х изменила ситуацию к лучшему. Это больше касалось естественных наук, отвечавших на вызовы эпохи НТР. Проблемы онтологии, гносеологии, методологические проблемы естественных наук (философские вопросы физики, биологии и т.д.) глубоко исследовались в

работах В.И. Свидерского, М.В. Мостепаненко, В.Г. Иванова, М.Л. Лезгиной и многих других. В гуманитарных исследованиях диалектика возрождается в работах А.Ф. Лосева, А.А. Зиновьева, Г.П. Щедровицкого, Э.В. Ильенкова и многих других. Список далеко не полон, и его нужно было бы продолжить многими именами. И это были именно серьезные теоретические философские исследования, вошедшие навсегда в методологический корпус науки.

Вместе с тем в позднесоветское время усилилась и тенденция выхолащивания диалектики и превращения ее в неосхоластику. Многие философы того времени формально не дифференцировались и не воевали друг с другом, а, напротив, постоянно вместе работали на одних и тех же конференциях и печатались в одних и тех же изданиях. Однако более востребованными политическим руководством оказались не творчески мыслящие, а «неосхоласты». Думается, что одной из предпосылок «катастрофы» (выражение А.А. Зиновьева) стало именно это: политическому руководству, сформировавшемуся к тому времени, диалектика как методология гуманитарных наук оказалась не нужна, мешала. В проекте «развитого социализма» оказалась востребована псевдомарксистская схоластика, никак не отражавшая реальное общество, в котором мы жили, и не отвечавшая на реальные вызовы времени, зато искусно маскировавшая глубокие противоречия.

Западная философия после Гегеля в основном пошла другим путем. От сложной и непостижимой гегелевской спекулятивной, то есть умозрительной и абстрактной (но при этом – не бессодержательной!) философии отказался уже Л. Фейербах в своей «Сущности христианства». Но, пожалуй, важнее здесь был сам дух XIX века – века материализма, промышленности, быстрого роста естественных наук. Сложная философская проблематика: проблема развития, проблема противоречия, проблема всеобщего единства мира, проблема соотношения материального и духовного – была изгнана из позитивизма, неокантианства, прагматизма, феноменологии.

Но одновременно с классической немецкой рационалистической философией в трудах А. Шопенгауэра, А. Бергсона, В. Дильтея зародилось философское направление иррационализма, отрицавшее не только традиционную для философии проблематику, но и сам разум. Ф. Ницше объявил всю предшествующую христианскую культуру ложным путем, а философию обвинил в том, что она занималась не тем. А именно – поисками сущности вещей, сущности бытия. Долой разум; миром движет воля и характер, а не ум и наука. Известно, чем закончилась крайняя политизация этой философии, хотя сам Ницше в этом, конечно, не виноват. Но отрефлексировать отказ от разума позволила та же диалектика: М. Хоркхаймер и Т. Адорно это сделали в своей работе «Диалектика Просвещения» (1947). И Западная философия ринулась в индивидуализм и «субъективную диалектику». Вершиною, безусловно, можно считать экзистенциализм Ж.-П. Сартра, А. Камю, Х. Ортега-и-Гассета. Кто в молодости не увлекался вполне левым и революционным Сартром! Однако это не помешало не менее левому и революционному диалектику А.Ф. Лосеву написать: «... я всегда считал, что весь западноевропейский субъективизм есть сплошная мировая хлестаковщина» [Лосев, 1990, стр.26]. И вот уже В. Франкл

заявил, что смыслы, которых ищет человек, не лежат внутри него и не могут быть индивидуальными. Индивидуальные смыслы – это нонсенс. Смыслы всегда социальны. Но ведь это – диалектика общего и особенного!

Стоит напомнить, что мы говорим о времени острой идеологической борьбы, если не войны. И здесь мы оказались в положении героя чеховского рассказа «Пересолил»: мы так уверенно и часто повторяли мантру о грядущей победе коммунизма во всем мире и о материалистической диалектике как идеологическом оружии марксизма, что нам-таки поверили. И в ответ на жесткую идеологическую связку диалектики с политическим марксизмом на Западе была предпринята беспрецедентная попытка теоретического уничтожения не только марксизма, но и материалистической диалектики. Едва ли не первым ярким и серьезным выстрелом в этой войне с диалектикой стала работа К. Поппера «Что такое диалектика?» (1947). Подробное описание этой войны с изложением и анализом аргументов представлена в работе немецких авторов Д. Бергнера и В. Яна «Крестовый поход евангелических академий против марксизма» (1961) [Бергнер, Ян, 1961]. Даже среди «левых» приверженность материалистической диалектике не принято было открыто декларировать, хотя все использовали этот метод теоретического анализа [См., например: Неомарксизм и проблемы социологии культуры, 1980].

Подведем итоги и обрисую сегодняшнюю ситуацию. 20-е годы характеризуются широкой философской мировоззренческой дискуссией, призванной решить судьбу диалектики. С 30-х годов наблюдается крайняя политизация философии и превращение ее в идеологическую схоластику; диалектика из философии ушла. С 60-х у нас возрождаются глубокие диалектические исследования и в естественных, и в гуманитарных науках рядом с официальной идеологической схоластикой; при этом война с диалектикой ведется только на Западе. С 80-х годов и с началом «катастрофы», особенно в 90-е годы Россия становится полем войны с марксизмом как «ложной теорией» и коммунизмом как «ложной идеологией». К счастью мы избежали политической декоммунизации, и борьба ограничилась рамками идеологии. Но вместе с уничтожением марксистской идеологии ведется целенаправленная борьба и с диалектическим материализмом. Сегодняшний день для отечественной философии характерен тем, что на фоне политической стабилизации в условиях буржуазной демократии в отечественной философии сосуществуют одновременно не только разные, но и противоречащие друг другу концепции и теории. Сегодня в философской России есть все!

В этом методологическом хаосе уже появляются признаки мировоззренческой борьбы, несмотря на постоянные постмодернистские призывы «Ребята, давайте жить дружно!». Один из аспектов этой борьбы – диалектика. На наш взгляд, агрессивны сегодня как раз те, кто когда-то ожесточенно воевал на Западе с диалектикой; сегодня они здесь, в России. Так, философ А.А. Ивин, президент Российской ассоциации аналитической философии (а это Б. Рассел, Л. Витгенштейн, логический позитивизм), главный научный сотрудник ИФ РАН, только что издал монографию «Диалектика. От зарождения до триумфа и краха». В этой книге он доказывает, что диалектика – это всего лишь «стиль мышления»,

характерный для «коллективистских обществ». А поскольку такое общество в лице СССР кануло в лету, то и диалектика вместе с ним. Хочется спросить автора: куда он дел «коллективистский» конфуцианско-социалистический Китай? Куда он дел вообще все левое движение на том же Западе?

Напротив, весьма неагрессивны и даже пассивны приверженцы диалектики. Активно работает Зиновьевский клуб, продолжаются методологические традиции Г.П. Щедровицкого, А.Ф. Лосев издан, наследие Э.В. Ильенкова включено в корпус диалектики. Однако, далеко не все имена представлены, иные еще ждут своего времени. Например, величайший онтолог Вячеслав Григорьевич Иванов, недавно ушедший из жизни и уже незаслуженно забытый. Создалась такая странная ситуация: методами диалектического анализа пользуются, а сказать слово в защиту самой диалектики и диалектического материализма считается неприличным, политнекорректным. В учебных планах постепенно сокращается количество часов и деформируется сам предмет философии: в последнем учебном плане направления «Педагогическое образование» философия включена в один модуль вместе с историей, чем снижено методологическое значение философии. В МГУ не так давно была издана хрестоматия «Онтология. Тексты философии: Учебное пособие для вузов» [Онтология....,2012]; рецензенты: В.С. Степин, А.А. Гусейнов, В.В. Миронов, все трое – известные философы-диалектики, последний – декан философского ф-та МГУ. Имена авторов, представленных в этой хрестоматии, заслуживают того, чтобы их перечислить: Бурдье, Гартман, Гуссерль, Ильенков, Лем, Ленин, Мамардашвили, Маркузе, Поппер, Сартр, Хайдеггер. Поистине, сегодня в России есть все! И это хорошо. Дело за немногим: необходимо восстановить в серьезной научной полемике доброе имя материалистической диалектики.

Литература

Бергнер Д., Ян В. Крестовый поход евангелических академий против марксизма. Перевод с нем. М.: Политиздат,1961. -176с.

Ивин А.А. Диалектика. От зарождения до триумфа и краха: монография. М: Проспект, 2017. -240с.

Лосев А.Ф. Страсть к диалектике: Литературные размышления философа. М.: Советский писатель,1990. -320с.

Неомарксизм и проблемы социологии культуры. АН СССР. Институт социологических исследований. М.: Наука, 1980.

Онтология. Тексты философии: Учебное пособие для вузов. Ред.-сост. В.Кузнецов. М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2012. -363с.

Поппер К. Что такое диалектика? // *What is Dialectic?* Доклад, прочитанный на философском семинаре Кентерберийского университетского колледжа в Крайстчерче (Новая Зеландия) в 1937 г. Впервые опубли. в журн. «Mind», N, S. № 49. Перевод выполнен по изд.: *Popper K. R. Conjectures and Refutations. L., 1976. Pp. 312 – 335 // Вопросы философии. 1995, №1. С.118 – 138.*